

МАКС

ДЬЯВОЛ В КЛЕТКЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

УЛЬЯНА СОБОЛЕВА

18+

Ульяна Соболева

Макс. Дьявол в клетке

<https://litres.ru/74331024>

SelfPub; 2026

Аннотация

Криминальный психолог Марина Вершинина добровольно устраивается в колонию строгого режима. Десять лет назад неизвестные убили её младшего брата, и теперь она хочет понять, в какой момент человек превращается в чудовище.

Её первым пациентом становится Максим Князев по кличке Князь — молодой убийца, отбывающий двенадцать лет за преступление с особой жестокостью. После нападения на сокамерника он отказывается говорить и не подпускает к себе никого.

Начальник колонии предупреждает Марину: нельзя слишком долго смотреть Князю в глаза. Он затягивает, как омут.

Но Марина всё равно входит в его клетку. И вскоре понимает, что за ледяным взглядом Макса скрывается тайна, способная перевернуть всё, что она знала о виновных и невиновных.

Содержание

Глава 2	25
Глава 3	37
Глава 4	47
Глава 5	63
Глава 6	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ульяна Соболева

Макс. Дьявол в клетке

Марина

Есть места, где воздух пахнет концом.

Не смертью — нет. Смерть милосерднее. Она приходит однажды и забирает. А здесь... здесь умирают каждый день. По капле. По вдоху. По секунде, отмеренной чужой волей.

Я остановила машину у КПП и несколько минут просто смотрела сквозь лобовое стекло на серые стены, опоясанные колючей проволокой. ИК-6. Исправительная колония строгого режима. Моё новое место работы.

Господи, во что я ввязалась.

Руки на руле мелко дрожали. Я сжала пальцы до белизны костяшек — не поможет. Страх не уходит, если его душить. Он просачивается глубже, в кости, в сухожилия, свивает там гнездо и ждёт. Всегда ждёт своего часа.

Охранник на вышке проводил мою машину взглядом. Равнодушным. Оценивающим. Здесь на всех смотрят так — будто прикидывают, сколько ты протянешь. Сколько дней, недель, месяцев пройдёт, прежде чем ты сломаешься. Прежде чем это место высосет из тебя всё человеческое и оставит пустую оболочку.

Я вышла из машины.

Ноябрьский ветер ударил в лицо, швырнул в глаза горсть

ледяной мороси. Небо над колонией висело низкое, давящее, цвета старого свинца. Ни просвета. Ни намёка на солнце. Идеальная метафора, подумала я. Идеальная декорация для ада на земле. Только черти здесь носят погоны, а грешники — робы с номерами.

Каблуки простучали по бетону — неуместно громко, неуместно женственно. Я поймала себя на мысли, что надо было надеть что-то другое. Что-то, что не кричит «жертва» каждым швом, каждым изгибом ткани. Строгое платье, туфли на шпильке, пальто песочного цвета — я выглядела так, будто собиралась на деловую встречу, а не в место, где людей перемалывают в труху.

Но поздно. Поздно менять туфли, поздно менять решение, поздно менять жизнь.

Хотя нет.

Жизнь я как раз меняла. Именно для этого и приехала сюда.

Проходная пахла сыростью и дешёвым табаком. Охранник — молодой парень с оловянными глазами — долго изучал мои документы, сверял фотографию с лицом, будто подзревал, что я пытаюсь проникнуть сюда обманом. Интересно, кому придёт в голову рваться в это место по собственной воле?

Мне. Мне пришло.

— Проходите. Административный корпус — прямо и направо.

Я кивнула и пошла вперёд. Спиной чувствовала его взгляд. Оценивающий. Липкий. Здесь все смотрят так, подумала я. Даже охрана. Особенно охрана. Когда живёшь среди хищников, рано или поздно начинаешь мерить мир их мерками.

Плац был пуст. Серый бетон, серые стены, серое небо. Где-то вдалеке лязгнула металлическая дверь. Прокричала ворона — и звук этот, хриплый, резкий, повис в воздухе как проклятие. Я ускорила шаг.

В детстве я боялась тюрем. Не потому что знала, что это такое — откуда бы? Просто чувствовала: есть места, куда не должна ступать человеческая нога. Места, где стены впитали столько страдания, что оно сочится из каждой трещины, из каждого камня. Теперь я шла по такому месту — и детский страх поднимался из глубин, сжимал горло ледяными пальцами.

Соберись, Марина. Ты больше не ребёнок. Ты — кандидат психологических наук. Специалист по криминальной психологии. Ты сама выбрала эту дорогу.

Сама выбрала.

И заплатишь за этот выбор — сполна.

Кабинет начальника колонии располагался на втором этаже административного корпуса — единственного здания, которое не выглядело так, будто его строили с ненавистью к человечеству. Ковровая дорожка на лестнице, пластиковые панели на стенах, даже какой-то фикус в углу — жалкая по-

пытка создать видимость цивилизации посреди этого бетонного кошмара.

Полковник Гришин встретил меня стоя. Это могло бы показаться вежливостью, если бы не его глаза.

Маленькие. Водянистые. С той особой мутью во взгляде, которая бывает у людей, слишком долго живущих среди чужой боли. Он смотрел на меня так, будто уже знал обо мне всё. Все мои секреты, все мои страхи, все мои ночные кошмары.

— Марина Андреевна Вершинина, — он произнёс моё имя так, будто пробовал на вкус. — Кандидат психологических наук. Специализация — криминальная психология. Впечатляет.

Он не считал, что это впечатляет. Он считал, что это смешно. Я видела это в изгибе его тонких губ, в том, как он чуть откинулся назад, скрестив руки на груди. Для него я была очередной московской штучкой, которая начиталась умных книжек и решила поиграть в спасительницу душ. Он видел таких. Все они сбегали через месяц-два, с потухшими глазами и разбитыми иллюзиями.

Посмотрим, полковник. Посмотрим.

— Спасибо, что приняли меня, — сказала я ровно. — Понимаю, что психолог в штате колонии — не самая типичная должность.

— Не самая, — согласился он. — Но Москва настаивает. Гуманизация системы, ресоциализация осуждённых... — Он

махнул рукой, будто отгоняя назойливую муху. — Красивые слова для отчётов. Пыль в глаза проверяющим. А по факту — вы будете ковыряться в головах у людей, которых уже ничто не исправит.

— Я не собираюсь никого исправлять.

Он приподнял бровь. Впервые с начала разговора в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Тогда зачем вы здесь?

Хороший вопрос. Очень хороший вопрос, полковник.

Я могла бы сказать правду. Что десять лет назад двое подонков забили моего младшего брата в подворотне — за телефон и пятьсот рублей в кармане. Забили ногами. Запинали насмерть. Димке было восемнадцать. Он возвращался с дня рождения друга. Немного выпил, был весёлый, счастливый — он всегда был счастливым, мой Димка, солнечный мальчик с ямочками на щеках.

Их так и не нашли. Ни одного. Ни единой зацепки.

А я с тех пор не сплю без снотворного. Каждую ночь вижу его лицо — живое, смеющееся — и просыпаюсь с криком в горле, с простынями, мокрыми от пота.

Я могла бы сказать, что хочу понять. Заглянуть в голову убийцы. Найти ту точку, где человек перестаёт быть человеком. Потому что если я пойму — может, отпустит. Может, перестанет выжигать изнутри.

Но я не сказала.

— Научный интерес, — улыбнулась я. — Чистая акаде-

мическая любознательность.

Гришин смотрел на меня долго. Прощупывал взглядом, как опытный хирург прощупывает опухоль. Потом усмехнулся — и в этой усмешке было что-то скользкое, масляное, от чего захотелось немедленно вымыть руки.

— Ладно. Любознательность так любознательность. У меня для вашей любознательности есть подарочек.

Он вытащил из стопки на столе картонную папку — потрепанную, с загнутыми уголками — и бросил передо мной.

— Князев Максим Дмитриевич. Кличка — Князь. Двадцать один год, статья сто пятая, часть вторая. Убийство с особой жестокостью. Срок — двенадцать лет строгого режима.

Я открыла папку.

И мир остановился.

Фотография.

Чёрно-белая, казённая, с номером на груди. Такие снимки делают тысячами — конвейер сломанных судеб, архив человеческого мусора. Щёлк-щёлк-щёлк — и вот ещё одно лицо в бесконечной галерее преступников. Ещё один номер в системе.

Но это лицо...

Оно не вписывалось в рамку.

Скулы — резкие, как горный хребет, как линия ножа. Челюсть — тяжёлая, волевая, с упрямым изломом, который бывает у людей, которых жизнь была — но так и не сломала.

Губы — чуть припухшие, неожиданно чувственные на этом жёстком лице. Шрам над бровью — тонкий, едва заметный, но придающий лицу что-то хищное, опасное. И глаза.

Господи, эти глаза.

Голубые. Светлые. Ледяные. С той звериной настороженностью, которую я видела только однажды — в зоопарке, у волка за решёткой. Он смотрел сквозь прутья так, будто в любой момент мог их перегрызть. Будто клетка — временное недоразумение. Будто весь мир — его территория, просто люди об этом ещё не знают.

Этот мальчик — мужчина? — смотрел так же.

Сквозь фотографию. Сквозь меня. Сквозь время и пространство, сквозь стены и расстояния.

Что-то сжалось у меня под рёбрами. Что-то древнее, инстинктивное, из тех времён, когда мы ещё жили в пещерах и знали: если видишь хищника — беги. Беги, пока не поздно. Беги, пока он не почуял твой страх.

Но я не могла оторваться от этого лица.

От этих глаз.

От боли, которая стояла в них — застывшая, окаменевшая, как вечная мерзлота.

— Три дня назад избил сокамерника, — голос Гришина доносился будто издалека. — Некого Сидорчука. Тот до сих пор в реанимации, врачи не уверены, что выкарабкается. Князев молчит. Ни слова не сказал — ни следователю, ни мне, ни даже своему адвокату. Сидит в одиночке и смотрит

в стену. Как чёртов манекен.

Я перевернула страницу. Заставила себя читать — сухие казённые строчки, за которыми скрывалась чья-то изломанная жизнь.

— Что известно о мотиве?

— Ничего. В том-то и дело. Сидорчук — тихий, безобидный. Статья за мошенничество, четвёртая ходка. Они даже не пересекались раньше, в разных отрядах сидели. А тут — ни с того ни с сего — забил так, что охрана еле оттащила. Ещё бы минута — и труп.

Я листала дело. Детский дом с трёх лет. Ни отца, ни матери — оба лишены родительских прав за употребление наркотиков. Воспитывался в государственных учреждениях, переводился из одного детдома в другой четыре раза. Сестра — Анна Дмитриевна Князева, на четыре года младше. Воспитывалась там же.

Умерла в четырнадцать лет.

Я остановилась.

Перечитала строчку ещё раз.

Причина смерти: суицид.

Четырнадцать лет. Девочка-подросток. Суицид.

Что-то холодное поползло по позвоночнику, вдоль каждого позвонка, как змея, как чужие пальцы в темноте.

Почему? Что случилось с этой девочкой? Что довело ребёнка до такого?

И что это сделало с её братом?

— Мне нужна его психиатрическая экспертиза, — сказал Гришин, вырывая меня из мыслей. — Руководство давит. Хотят понять — он псих или просто зверь. Если псих — переведём в специальное учреждение на принудительное лечение. Если зверь... — он пожал плечами с показным равнодушием, — ну, будем держать в клетке, как и положено держать диких животных.

— И вы хотите, чтобы это определила я?

— А для чего ещё вы здесь, Марина Андреевна? Не для красивых глаз же вас из Москвы прислали.

Он улыбался. Той улыбкой, которая никогда не касается глаз. Я знала таких людей. Работала с такими. Они не врут в привычном смысле — они просто никогда не говорят правды. Их слова — как колючая проволока вокруг этой колонии: вроде бы на месте, вроде бы служит цели, но коснёшься — порежешься до крови.

Что он скрывает? Почему так настаивает именно на этом заключённом?

Впрочем, какая разница. Я приехала сюда работать. И я буду работать.

— Хорошо, — сказала я. — Когда я смогу его увидеть?

— Завтра. Первый сеанс в девять утра. Кабинет для работы вам покажут. Охрана будет дежурить за дверью — мало ли что.

— Он опасен?

Глупый вопрос. Человек, способный забить другого чело-

века почти до смерти, по определению опасен. Но я хотела услышать, что скажет Гришин. Как скажет.

— Опасен? — он хмыкнул. — Князь — один из самых опасных, кого я видел за двадцать лет службы. И дело не в физической силе — хотя и в ней тоже. Дело в глазах. Он смотрит — и ты понимаешь: для него убить человека — как воды попить. Никаких эмоций. Никаких сомнений. Просто действие. Просто необходимость.

Он встал, давая понять, что аудиенция окончена. Я тоже поднялась, сгребла папку с делом.

— Марина Андреевна.

Я обернулась у самой двери.

Гришин смотрел на меня. Впервые — без усмешки, без масляного блеска во взгляде. Почти серьёзно. Почти по-человечески.

— Совет от старожилы. Не смотрите ему в глаза слишком долго. Князь — он... затягивает. Как омут. Нырнёте — не вынырнете.

Это была не забота. Это было предупреждение. Или угроза, завёрнутая в вежливость. Я так и не поняла.

— Благодарю за совет, — сказала я ровно. — Учту.

И вышла.

Обратная дорога через плац. Мимо серых барачков, одинаковых, как надгробия. Мимо вышек с часовыми — маленькими фигурками на фоне свинцового неба. Мимо колючей проволоки, которая поблёскивала в тусклом свете, как оскал

голодного зверя.

Где-то там, за этими стенами, в одиночной камере, сидел он. Максим Князев. Двадцать один год. Убийца. Волк в клетке.

И я завтра войду в эту клетку.

Я остановилась посреди плаца. Достала из кармана пачку сигарет — дурная привычка, начала после смерти Димы и так не смогла бросить. Щёлкнула зажигалкой. Затянулась так глубоко, что закружилась голова.

Вокруг — ни души. Только ветер гоняет по бетону какой-то мусор, только каркает где-то ворона, только гудят провода над головой. Тишина — но не мирная. Тяжёлая. Давящая. Тишина места, где крики давно стали обыденностью.

Зачем я здесь?

Научный интерес — ложь. Гуманизация пенитенциарной системы — пустые слова для отчётов. Даже поиск ответов о природе зла — полуправда, отговорка для самой себя.

Настоящая правда была проще. И страшнее.

Я мертва.

Уже десять лет мертва. С того самого дня, когда позволили из морга и попросили приехать на опознание. С того момента, когда я увидела Димку на металлическом столе — и не узнала. Потому что это был не он. Не мой солнечный, смешливый брат. Это был кусок мяса с разбитым лицом, с выбитыми зубами, с запёкшейся кровью в светлых волосах.

Они били его ногами. Долго. Методично. За гребаный те-

лефон и пятьсот рублей.

С тех пор я хожу, дышу, работаю — но внутри пусто. Выжженная земля. Соляная пустыня, где ничего не растёт и не вырастет никогда. Я разучилась радоваться. Разучилась плакать. Разучилась чувствовать что-либо, кроме этой тупой, ноющей боли в груди — постоянной, как шум крови в ушах.

Игорь это почувствовал быстро. Мой муж — умный человек, успешный адвокат, мастер слов и манипуляций. Он понял в первый же год нашего брака: его жена — красивая обёртка от конфеты, которую кто-то давно съел. Внутри ничего нет. Ни любви, ни страсти, ни даже нормальной человеческой злости. Только холодная пустота.

Поэтому он нашёл утешение на стороне. Не знаю, когда это началось — может, через год после свадьбы, может, через два. Я находила следы — чужие духи на рубашке, длинный рыжий волос на пиджаке, стёртые сообщения в телефоне, поздние «совещания», которые случались всё чаще. Я знала. И молчала.

Потому что не имела права требовать верности. Я сама отдала ему пустоту вместо жены. Сама закрылась, заледенела, превратилась в статую. А он... он просто искал тепла там, где мог его найти.

Пустоцвет.

Он так меня называет. Когда злится. Когда выпьет лишнего. Когда хочет сделать больно — а он хочет всё чаще, потому что моё равнодушие бесит его больше, чем бесили бы

скандалы и истерики.

«Десять лет, Марина. Десять лет я жду наследника. А ты даже забеременеть не можешь. Пустая. Бесполезная. Сухая земля. Пустоцвет».

Бесконечные врачи. Бесконечные анализы. Бесконечные унижительные процедуры — ложись, раздвинь ноги, потерпи, так надо. Бесконечные отрицательные тесты. Бесконечное «к сожалению, в этом цикле снова не получилось». Бесконечные слёзы в подушку — раньше, когда я ещё умела плакать. Бесконечное ощущение собственной неполноценности, которое он вбивал в меня день за днём, слово за словом.

И его глаза. Каждый раз — одно и то же разочарование. Одно и то же презрение. Одна и та же молчаливая констатация: ты бракованная. Ты не справилась. Ты подвела. Ты — пустое место в красивой упаковке.

Я затянулась снова. Дым царапал горло, обжигал лёгкие.

Врачи говорят — физически я здорова. Все анализы в норме, все показатели идеальные, все органы функционируют как положено. Необъяснимое бесплодие, говорят они. Иногда такое случается. Иногда тело просто отказывается выполнять свою функцию — без видимых причин.

Но я-то знаю причину.

Тело не обманешь. Организм знает то, что разум отказывается признать.

Я не хочу приносить ребёнка в этот мир. В мир, где восем-

надцатилетних мальчиков убивают за телефон. В мир, где четырнадцатилетние девочки вешаются в детдомах. В мир, где я каждую ночь вижу лицо мёртвого брата — и просыпаюсь в пустой ледяной постели рядом с человеком, который давно меня разлюбил.

Если вообще любил когда-нибудь.

Сигарета догорела до фильтра, обжигая пальцы. Я бросила окурочку на бетон, втоптала каблуком. Посмотрела на серые стены колонии — и вдруг поняла.

Знаешь что, Марина? Ты приехала сюда не за ответами. Ты приехала, чтобы почувствовать хоть что-нибудь. Страх, отвращение, ужас — неважно. Лишь бы не эта ватная пустота, которая пожирает тебя изнутри. Лишь бы не это мёртвое молчание вместо сердцебиения.

Ты приехала сюда, потому что мёртвым место среди мёртвых.

А теперь — папка с делом незнакомого убийцы. Фотография. Волчьи глаза на казённом снимке. Застывшая боль во взгляде — такая знакомая, такая своя, будто смотришь в зеркало.

И это чувство...

Не страх.

Узнавание.

Словно я смотрела в кривое зеркало — и увидела там не своё отражение, но свою тень. Тёмную, изломанную, ту часть себя, которую прячу так глубоко, что сама забыла о её суще-

ствовании.

Он потерял сестру. Я потеряла брата.

Он убил — за неё? По другой причине? Или просто потому, что боль, если её не выпускать, рано или поздно взрывается изнутри?

Я ищу убийц — чтобы понять. Чтобы перестало болеть. Чтобы найти точку, где человек ломается, и понять — можно ли было это предотвратить. Можно ли было спасти Димку, если бы те двое... если бы кто-то раньше...

Два сломанных человека. Два осколка, которые не складываются ни в какую картину.

Интересно, полковник, что ты имел в виду, когда говорил «затягивает»?

Вечером я сидела в машине на парковке у собственного дома и не могла заставить себя выйти.

За окнами кухни горел тёплый свет. Игорь был дома — его чёрный «Лексус» блестел у подъезда, свежeweымытый, ухоженный, как и его хозяин. Может, даже приготовил ужин. Может, купил цветы — лилии, которые я ненавижу, но он упорно продолжает их дарить. Он делает это иногда — после особенно долгих «командировок». Не вина — Игорь никогда ни в чём не чувствует себя виноватым. Скорее откуп. Ритуал поддержания видимости.

А я так устала от этой видимости.

Я достала папку с делом. В темноте машины, под тусклым

светом экрана телефона, снова открыла на фотографии.

Максим Князев смотрел на меня.

«Не смотрите ему в глаза слишком долго. Затягивает, как омут».

Я смотрела.

Пыталась понять — что в этом лице такого, что не отпускает? Красота? Да, несомненно. Жёсткая, хищная, опасная красота, от которой что-то сжимается внизу живота. Но красивых мужчин я видела сотни. Сталкивалась с ними на работе, на конференциях, в кабинетах богатых клиентов Игоря. Опасность? Тоже. Но я работала с маньяками, с серийными убийцами, с людьми, от одного присутствия которых хотелось выbleвать завтрак.

Это было другое.

В его глазах стояла боль.

Та же самая боль, которую я видела каждое утро в зеркале. Застывшая, окаменевшая, вросшая в душу так глубоко, что стала частью личности. Боль человека, который потерял всё — и научился с этим жить.

Потому что выбора не было.

Потому что умереть оказалось сложнее, чем продолжать существовать.

Потому что каждый день просыпаешься — и понимаешь, что ещё один день надо прожить. И ещё один. И ещё. Бесконечная череда серых дней, похожих друг на друга, как камеры в этой колонии.

Я закрыла папку. Сунула в сумку.

Вышла из машины.

Поднялась на шестой этаж, считая ступеньки — старая привычка, помогает не думать.

Открыла дверь.

— О, явилась наконец, — Игорь стоял в дверях кухни с бокалом вина в руке. Красивый, ухоженный, в домашнем кашемировом свитере и дорогих джинсах. Чужой человек, с которым я делю постель уже десять лет. — Как первый рабочий день в клоаке?

— Нормально.

— Нормально, — он усмехнулся, покачивая вино в бокале. Красное. Дорогое. Наверное, из той бутылки, что он берёт для особого случая. — Ты теперь будешь работать с убийцами и насильниками и отвечать мне «нормально». Прелестно. Просто прелестно, Марина.

Он был пьян. Не сильно — Игорь никогда не напивается до потери контроля, это не элегантно, это не комильфо — но достаточно, чтобы яд в словах стал концентрированнее. Достаточно, чтобы снять последние тормоза вежливости.

— Я устала, — сказала я. — Пойду приму душ и лягу.

— Конечно. Иди. Отдыхай. Набирайся сил для своих уро- дов. — Он отпил вина, глядя на меня поверх бокала. — Хотя, может, тебе там самое место. Среди отбросов. Пустоцвет среди пустоцветов.

Я прошла мимо него, стараясь не касаться, не вдыхать за-

пах его парфюма, смешанного с алкоголем. Уже в коридоре услышала:

— Хотя чему удивляться. Пустоцветы — они такие. Ни на что не годные. Даже поговорить нормально не могут. Даже ребёнка родить не способны. Только и умеют, что ковыряться в чужих мозгах, потому что свои давно высохли.

Раньше это ранило. Раньше я плакала в ванной, закрыв рот ладонью, чтобы он не слышал. Раньше стояла под горячим душем и выла — беззвучно, как раненая собака, захлёбываясь водой и слезами.

Раньше верила, что это правда. Что я — сломанная. Неправильная. Бракованная вещь, которую муж почему-то до сих пор не выбросил на помойку.

Теперь — ничего.

Пустота. Привычная, обжитая, почти уютная в своей предсказуемости.

Я даже не ненавидела его. Ненависть требует энергии, а у меня её не осталось.

В ванной я долго смотрела на своё отражение. Тридцать пять лет. Ещё красивая — если не присматриваться к глазам. Ещё молодая — если не считать седые волоски на висках, которые я закрашиваю каждый месяц. Ещё живая — если не знать, что внутри давно всё умерло.

Кто ты, Марина Вершинина?

Жена, которую не любят. Женщина, которая не может ро-

дить. Психолог, который не может помочь даже себе. Сестра, которая не смогла защитить брата. Осколок человека, при-
творяющийся целым.

Я легла в кровать не раздеваясь. Игорь придёт позже — или не придёт вообще, уснёт на диване перед телевизором с бокалом в руке. Мне всё равно.

Закрыла глаза.

И увидела его.

Светлые глаза на чёрно-белой фотографии. Взгляд дьяво-
ла за решёткой. Боль, которую не спрячешь. Боль, которую
я узнала — как свою собственную. Два берега одной реки.
Два сломанных человека, которых судьба зачем-то столкну-
ла лбами.

Завтра в девять утра я увижу его вживую.

Войду в его клетку.

Сяду напротив.

Загляну в эти глаза — и, может быть, наконец пойму, что
со мной не так. Почему я тянусь к темноте, как мотылёк к
огню. Почему фотография незнакомого убийцы не отпускает
меня — не пугает, не отталкивает, а притягивает с какой-то
болезненной, необъяснимой силой.

И что-то внутри меня — то, что ещё не умерло оконча-
тельно, что ещё дышало под слоем пепла и льда — шептало:
после этой встречи ничего уже не будет прежним.

Есть встречи, которые меняют судьбу. Не потому что мы
этого хотим — потому что вселенная решает за нас. Стал-

кивает лбами. Скрещивает пути. Бросает в один омут двух тонущих — и смотрит, выплывут или утащат друг друга на дно.

Я чувствовала это всей кожей. Всеми мурашками, бегущими вдоль позвоночника. Всем пересохшим горлом и ломотой в костях. Что-то начиналось. Что-то страшное. Что-то неизбежное. Что-то, что изменит всё — к лучшему или к худшему, я пока не знала.

Но я хотела этого.

Впервые за десять лет — хотела чего-то.

Я лежала в темноте, слушая, как за стеной бормочет телевизор, как позвякивает бутылка о край бокала, как Игорь что-то бубнит себе под нос — наверное, комментирует новости, он любит это делать, будто кто-то его слушает.

Раньше я слушала.

Раньше мы сидели вместе на этом диване, пили вино, обсуждали политику, смеялись над глупыми шутками ведущих. Раньше он обнимал меня за плечи, а я клала голову ему на грудь — и чувствовала себя защищённой. Любимой. Нужной.

Когда это кончилось?

После первой неудачной попытки ЭКО? После второй? После того, как он впервые назвал меня пустоцветом — сначала вроде бы в шутку, потом всё серьезнее, всё злее?

Или это кончилось раньше — в тот день, когда я стояла

над телом Димки в морге и что-то внутри меня сломалось с тихим хрустом, как ветка под ногой?

Неважно.

Теперь неважно.

Я повернулась на бок, подтянула колени к груди. Эмбриональная поза — классическая защитная реакция, написала бы я в диссертации. Попытка вернуться в безопасное пространство материнской утробы. Смешно. Я, психолог с учёной степенью, анализирую собственные позы сна, вместо того чтобы просто уснуть.

Профессиональная деформация. Когда слишком долго копаешься в чужих головах, начинаешь препарировать и свою. Раскладывать по полочкам каждую эмоцию, каждую реакцию, каждый импульс. И в какой-то момент обнаруживаешь, что полки пусты. Что ты всё разложила, всё проанализировала — а чувствовать разучилась.

Я снова закрыла глаза.

Максим Князев.

Двадцать один год. Почти ребёнок по моим меркам. И уже — убийца. Уже — зверь в клетке, которого бояться даже матёрые уголовники.

Что с тобой сделали, мальчик?

Что ты видел в этом своём детдоме? Что пережил? Что заставило тебя схватить человека и бить, бить, бить — пока охрана не оттащила?

И почему ты молчишь?

Глава 2

Людам свойственно оправдываться. Объяснять. Искать смягчающие обстоятельства. Даже самые отмороженные преступники, которых я встречала, пытались как-то рационализировать свои поступки. «Он первый начал». «Она сама виновата». «У меня не было выбора». Бесконечные отговорки, бесконечная попытка снять с себя ответственность.

А ты — молчишь.

Сидишь в одиночке и смотришь в стену. Не оправдываешься. Не объясняешь. Не просишь о снисхождении.

Почему?

Потому что не считаешь, что сделал что-то плохое? Или потому что тебе всё равно, что с тобой будет дальше?

Я знала это чувство. Когда жизнь становится настолько невыносимой, что перестаёшь бояться смерти. Перестаёшь бояться наказания. Перестаёшь бояться вообще чего бы то ни было — потому что худшее уже случилось. Потому что внутри уже ничего нет, что можно отнять.

Его сестре было четырнадцать.

Четырнадцать, господи.

В четырнадцать я собирала гербарий для школы и влюблялась в мальчика из параллельного класса. В четырнадцать весь мир казался мне огромным и прекрасным, полным воз-

возможностей и приключений.

А она — повесилась. Или что там пишут в официальных отчётах? «Суицид». Сухое, казённое слово, за которым — чья-то трагедия. Чья-то боль. Чья-то сломанная жизнь.

Что случилось с тобой, Аня Князева?

Что случилось с твоим братом после того, как тебя не стало?

Я не заметила, как уснула. Сон пришёл внезапно — тяжёлый, душный, без сновидений. Или со сновидениями, которые я не запомнила. Только под утро, в той зыбкой границе между сном и явью, я увидела его.

Он стоял посреди серого плаца, в тюремной робе, босой на холодном бетоне. Ветер трепал его тёмные волосы. А он смотрел на меня — и в его глазах было что-то, чего я не могла понять. Не угроза. Не злость. Что-то другое.

Узнавание.

Как будто он тоже увидел в моих глазах что-то знакомое. Что-то своё.

— Ты зря сюда пришла, — сказал он. Голос — низкий, хриплый, будто он давно ни с кем не разговаривал. — Здесь нет людей. Только тени.

Я хотела ответить, но слова застряли в горле. А он развернулся и пошёл — куда-то в серую муть, в туман, который вдруг поднялся из ниоткуда и поглотил его фигуру.

Я проснулась с именем на губах.

Максим.

Будильник надрывался на тумбочке. Восемь утра. Через час — первый сеанс.

Игоря рядом не было — значит, так и уснул на диване. Или ушёл рано, не попрощавшись. Какая разница.

Я встала. Приняла душ. Выпила кофе, глядя в окно на серый ноябрьский город. Накрасилась — немного, профессионально. Оделась строго, нейтрально. Взяла папку с его делом.

И поехала.

К нему.

Дорога до колонии заняла сорок минут. Сорок минут наедине со своими мыслями — без радио, без музыки, только шум двигателя и шорох шин по мокрому асфальту.

Я думала о Димке. О том, каким он был — живым, настоящим, невозможно солнечным даже в самые пасмурные дни. Он умел смеяться так, что все вокруг начинали улыбаться. Умел находить хорошее в любой ситуации. Умел любить — просто, без условий, без требований.

Мама говорила, что он родился с солнцем внутри. И когда его не стало — солнце погасло. Для всех нас.

Мама не пережила его и года. Инфаркт, сказали врачи. Но я знала правду: её сердце просто отказалось биться в мире, где нет её мальчика. Отец ушёл ещё раньше — я его почти не помню. Так что теперь я одна. Совсем одна, если не считать Игоря, который давно перестал быть мужем и стал... чем? Соседом по квартире? Бизнес-партнёром по браку? Челове-

ком, который спит в соседней комнате и называет меня пу-стоцветом?

Колония вынырнула из тумана внезапно — серая громада за колючей проволокой, как язва на теле земли. Я остановилась у КПП, предъявила документы. Тот же охранник с оловянными глазами кивнул мне, как старой знакомой.

Один день — и я уже «своя».

Один день — и это место начинает впускать тебя внутрь.

Интересно, сколько дней нужно, чтобы оно поглотило тебя целиком?

Кабинет, выделенный мне для работы, располагался в административном корпусе — маленькая комната с зарешечённым окном, столом, двумя стульями и портретом президента на стене. Президент смотрел строго и неодобрительно, будто знал, зачем я здесь на самом деле.

Я разложила бумаги. Диктофон. Блокнот. Ручку. Всё по протоколу. Всё как учили.

Без пятнадцати девять.

Скоро.

Сердце билось слишком быстро. Я положила руку на грудь, пытаюсь унять этот предательский стук. Ты — профессионал, Марина. Ты работала с серийными убийцами, с насильниками, с людьми, которые делали такое, от чего нормального человека стошнило бы. Ты справишься.

Но что-то внутри знало: этот — другой.

Этот — опасен не тем, что может сделать.

Этот — опасен тем, что может разбудить.

Без десяти девять.

За дверью слышались шаги. Тяжёлые. Размеренные. Лязг металла — наручники? Голоса охранников.

— Стоять. Лицом к стене.

— Руки за спину.

— Вперёд. Не дёргайся.

Дверь открылась.

И я впервые увидела его — живого, настоящего, во плоти.

Фотография не лгала.

Она просто... не передавала и десятой доли.

Он был высоким — выше, чем я представляла. Широкоплечим, с той особенной статью, которую не даёт ни один тренажёрный зал — только жизнь, только необходимость выживать. Тюремная роба висела на нём, как на вешалке — слишком большая, мешковатая, но даже она не могла скрыть силу, которая чувствовалась в каждом его движении.

А лицо...

То самое лицо. Резкие скулы, тяжёлая челюсть, шрам над бровью. И глаза — светлые, ледяные, смотрящие сквозь меня, мимо меня, в какую-то точку за моим плечом.

Охранники усадили его на стул напротив моего стола. Приковали наручники к металлическому кольцу на столешнице. Он не сопротивлялся. Не говорил ни слова. Просто позволил с собой сделать всё это — как позволяют неизбежному.

— Мы будем за дверью, — сказал один из охранников. — Если что — кричите.

Они вышли. Дверь закрылась.

Мы остались одни.

Тишина.

Тяжёлая, густая, как туман над болотом. Я слышала собственное дыхание — слишком частое, слишком громкое. Слышала, как тикают часы на стене. Слышала, как звенит в ушах от напряжения.

Он не смотрел на меня.

Смотрел в стену. В ту самую точку за моим плечом. Неподвижный. Безразличный. Будто меня здесь вообще не было.

— Здравствуйте, — сказала я. Голос звучал ровно — спасибо годам практики. — Меня зовут Марина Андреевна. Я психолог. Мне поручили...

— Знаю.

Один звук. Два слога. И — молчание.

Голос у него был низкий, хриплый. Тот самый голос из моего сна — я вздрогнула от узнавания. Будто уже слышала его раньше. Будто знала его всю жизнь.

— Вы знаете, зачем вы здесь?

Молчание.

— Вы понимаете, что от результатов нашей работы зависит ваше будущее?

Молчание.

— Максим...

Он впервые посмотрел на меня.

И я поняла, что имел в виду Гришин.

Омут. Бездна. Чёрная дыра, которая затягивает всё, что подлетает слишком близко.

Его глаза были светлыми — серыми? голубыми? — но в них не было ни капли света. Только тьма. Только боль. Только что-то древнее, первобытное, звериное.

Он смотрел на меня — и я чувствовала, как он оценивает, взвешивает, решает. Добыча? Угроза? Что-то третье?

— Вы зря сюда пришли, — сказал он наконец. Те же слова, что во сне. Те же интонации. — Здесь нет людей. Только тени.

Мурашки пробежали по спине. Холодные, колкие. Пересохло во рту. Заломило виски.

Но я не отвела взгляд.

— Тогда поговорим о тенях, — сказала я.

И впервые за весь разговор увидела что-то новое в его глазах. Не интерес — нет. Но что-то похожее на удивление. Тень удивления, если угодно.

Он не ожидал, что я не испугаюсь.

А я и сама не ожидала.

— Поговорим, — повторила я. — О тенях. О призраках. О том, что держит нас здесь, когда хочется уйти. Вы ведь знаете, о чём я.

Он молчал. Но молчание было другим — не отстранённым, а... внимательным.

Он слушал.

Впервые — слушал.

И я поняла: что бы ни случилось дальше — назад дороги нет. Я нырнула в омут. Осталось узнать, вынырну ли.

Первый сеанс продлился тридцать восемь минут.

Тридцать восемь минут молчания, которое говорило громче любых слов. Он сидел напротив меня — каменное изваяние с живыми-мертвыми глазами — и не произнёс больше ни слова. Я задавала вопросы. Стандартные, протокольные, те, что задают всем. Детство. Семья. Отношения с окружающими. Мотивы поступков.

Он молчал.

Но он слушал — я видела это. Видела, как едва заметно дрогнул мускул на его челюсти, когда я спросила о сестре. Видела, как сжались кулаки в наручниках, когда я упомянула детдом. Видела, как на долю секунды что-то живое мелькнуло в этих мёртвых глазах — и тут же погасло, спряталось обратно в бездну.

Он не хотел говорить.

Но он хотел, чтобы его услышали.

Странное противоречие. Парадокс. Загадка, которую мне предстояло разгадать.

— На сегодня закончим, — сказала я наконец, глядя на часы. — Завтра в это же время.

Он не ответил. Не кивнул. Просто смотрел — и в этом взгляде было что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

Не угроза. Не презрение. Что-то другое.

Вопрос?

Надежда?

Нет. Бред. Какая надежда у человека, приговорённого к двенадцати годам?

Охранники увели его. Лязгнули наручники, хлопнула дверь. Я осталась одна — в маленьком кабинете с зарешечённым окном и портретом президента на стене.

Руки дрожали.

Я посмотрела на них — на свои холёные, ухоженные руки с аккуратным маникюром — и не узнала. Чужие руки. Руки женщины, которая только что заглянула в пропасть и не упала.

Или упала — просто ещё не поняла этого?

Я достала из сумки сигареты. Курить в кабинете нельзя, но к чёрту правила. Щёлкнула зажигалкой, затянулась глубоко, до головокружения.

Максим Князев.

Двадцать один год. Убийца. Волк. Дьявол.

И что-то ещё. Что-то, чего я не могла определить, но чувствовала всей кожей.

Его глаза не отпускали. Стояли перед внутренним взором — светлые, пустые, наполненные болью, которую он прятал так глубоко, что сам, наверное, уже не помнил, где она начинается.

«Здесь нет людей. Только тени».

Что это значит? Философская метафора? Или что-то более конкретное?

Тени. Призраки прошлого. Люди, которые умерли — но продолжают жить в нашей памяти, в нашей боли, в нашем безумии.

Аня Князева. Четырнадцать лет. Суицид.

Она — его тень? Его призрак? Тот, кто держит его здесь, не даёт уйти — ни в жизнь, ни в смерть?

Или я проецирую? Вижу в нём себя — свою боль, своего призрака?

Димка. Восемнадцать лет. Убийство.

Два мёртвых ребёнка. Два сломанных выживших. Два человека, которых судьба столкнула в этом сером аду за колючей проволокой.

Совпадение?

Или что-то большее?

Я не верю в судьбу. Не верю в знаки. Не верю в мистическую связь душ и прочую эзотерическую чушь. Я — учёный. Я верю в факты, в статистику, в причинно-следственные связи.

Но когда он посмотрел на меня — там, в кабинете, через стол — я почувствовала что-то. Что-то, чему нет названия в учебниках психологии. Что-то, что нельзя измерить и проанализировать.

Сумасшествие. Полный, абсолютный бред. Мы виделись впервые в жизни. Он — заключённый, убийца. Я — психо-

лог, которому поручили его обследовать. Никакой связи. Никакой мистики. Просто работа.

Но руки всё ещё дрожали.

И сердце билось так, будто хотело выпрыгнуть из груди.

И где-то глубоко внутри — там, где я давно похоронила все свои чувства — что-то шевельнулось. Что-то проснулось. Что-то подняло голову и принялось к новому запаху.

Надежда?

Страх?

Или то и другое — сплетённые вместе, неразделимые, как жизнь и смерть?

Остаток дня я провела, изучая его дело. Страница за страницей, документ за документом. Сухие факты, официальные формулировки, казённый язык, за которым скрывалась человеческая трагедия.

Князев Максим Дмитриевич, год рождения — 2004. Мать — Князева Елена Сергеевна, год рождения — восьмидесятый. Отец — неизвестен. Лишена родительских прав, когда сыну было три года. Причина — систематическое употребление наркотических веществ, неисполнение родительских обязанностей, жестокое обращение с детьми.

Жестокое обращение.

Что это значит, если перевести с канцелярского на человеческий? Побои? Голод? Запертый в тёмном чулане трёхлетний мальчик, который плачет и зовёт маму — а мама лежит в отключке на диване, укуренная в хлам?

Я видела таких детей. Работала с ними. Знала, что происходит в их головах, когда тот, кто должен защищать, становится источником боли. Знала, как это ломает — навсегда, непоправимо.

Детский дом номер семнадцать города Н. Потом — детский дом номер три города М. Потом — ещё один. И ещё. Четыре перевода за четырнадцать лет. Почему? Обычно детей не переводят так часто, если нет проблем.

Какие проблемы были у маленького Максима Князева?

Драки с другими воспитанниками? Конфликты с персоналом? Или что-то ещё — что-то, что не пишут в официальных документах?

Сестра — Анна Дмитриевна Князева. На четыре года младше. Поступила в тот же детский дом в возрасте двух лет. Воспитывалась вместе с братом до его совершеннолетия.

Умерла в четырнадцать лет. Причина смерти — суицид.

Я нашла копию заключения судмедэксперта. Сухие строчки, от которых волосы встают дыбом.

«...тело обнаружено в подсобном помещении... повешение... характерные strangulationные следы... время смерти — между 23:00 и 01:00...»

Ночью. Она повесилась ночью, в подсобке детского дома. Одна. В четырнадцать лет.

Почему?

Что случилось с этой девочкой?

Глава 3

Второй день. Второй сеанс. Второй круг ада.

Я почти не спала ночью. Ворочалась в холодной постели, слушала храп Игоря из гостиной и думала о нём. О Максиме Князеве. О его глазах — ледяных, пустых, смотрящих сквозь меня, будто я — стекло. О его голосе — низком, хриплом, от которого что-то сжималось внизу живота.

«Здесь нет людей. Только тени».

Я повторяла эти слова про себя, как мантру. Пыталась понять — что он имел в виду? Философская метафора? Или что-то личное, глубокое, то, что он прячет за стеной молчания?

К девяти утра я была в колонии. Накрашенная чуть тщательнее, чем вчера. В блузке, которая... нет. Не думай об этом, Марина. Ты — профессионал. Ты здесь работать, а не...

А не что?

Я села за стол. Разложила бумаги. Включила диктофон.
Жду.

Без пяти девять — шаги в коридоре. Лязг металла. Голоса охранников.

Дверь открылась.

Он.

Сегодня — другой. Я сразу это почувствовала. Вчера он

смотрел сквозь меня, будто я не существовала. Сегодня — смотрел НА меня. И от этого взгляда хотелось провалиться сквозь землю.

Его глаза скользнули по моему лицу. По шее. Ниже — туда, где вырез блузки открывал ключицы. Медленно, оценивающе, бесстыдно. И этот голод в глазах, в его невыносимых светлых глазах, таких красивых, что могло дух захватить. Глаза убийцы, глаза психопата.

Я почувствовала, как краска заливает щёки. Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

— Доброе утро, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Охранники усадили его на стул, приковали наручники к кольцу. Вышли.

Мы снова одни.

Он молчал. Смотрел на меня этим своим невозможным взглядом — и в уголке его губ дрогнуло что-то похожее на усмешку.

— Новая блузка?

Два слова. Всего два слова — а меня прошибло, будто током. Вдоль позвоночника потянулся ворох огненных мурашек и в горле пересохло.

Он заметил. Господи, он заметил, что я оделась иначе. И теперь знает — или думает, что знает, — почему.

— Это не имеет отношения к нашей работе, — отрезала я.

— Нашей работе, — он повторил, будто пробуя слова на

вкус. Голос у него был как наждак по нервам — грубый, низкий, царапающий что-то внутри. — Забавно. Вы работаете. Я сижу в наручниках. И это — наша работа.

Я открыла блокнот. Ручка в пальцах подрагивала — надеюсь, он не видит.

— Давайте продолжим с того места, где остановились вчера.

— Мы не останавливались. Мы не начинали.

— Вы сказали, что здесь нет людей. Только тени.

Он чуть наклонил голову. Как волк, почуявший добычу.

— Запомнили.

— Это моя работа — запоминать.

— Только работа?

Я вскинула на него глаза.

Ошибка.

Он смотрел на меня так, будто видел насквозь. Будто знал все мои мысли — в том числе те, в которых я не призналась бы даже себе. В его взгляде было что-то тёмное, опасное, от чего по коже бежали мурашки. Я не знаю... точнее, ни хрена. Я все знаю. Я чувствую его зверскую энергию и испытываю самое примитивное сексуальное возбуждение. И я, как психолог, не могу найти этому объяснение.

— Я не понимаю вопроса.

— Понимаете, — он откинулся на спинку стула, насколько позволяли наручники. — Вы пришли сюда не ради работы. Не ради отчётов и галочек в бумажках. Вы пришли за

чем-то другим.

— За чем же?

— Вот это мне и интересно.

Тишина.

Я держала его взгляд — и чувствовала, как горят щёки, как опять пересыхает во рту, как сердце колотится в рёбра с такой силой, будто хочет выпрыгнуть наружу.

Кто здесь психолог? Кто кого анализирует?

— Мы здесь, чтобы говорить о вас, — сказала я наконец.

— Не обо мне.

— Почему?

— Потому что так устроена терапия.

— Терапия, — он усмехнулся. По-настоящему, одним уголком рта, и это было... разрушительно. Его лицо, и без того красивое до неприличия, стало почти невыносимым. — Это не терапия, Марина Андреевна. Это допрос. Только вы притворяетесь, что вам не всё равно.

— Мне не всё равно.

— Да?

Он подался вперёд. Насколько мог — цепь натянулась, мышцы на предплечьях напряглись под серой тканью робы.

— Тогда почему ваш пульс так участился? Вот здесь, — он кивнул на мою шею. — Жилка бьётся. Быстро-быстро. Как у кролика.

Я инстинктивно подняла руку к горлу.

И тут же опустила, поняв, что выдала себя.

Его усмешка стала шире.

— Я вас пугаю?

— Нет.

— Врёте.

— Не вру.

— Врёте, — повторил он мягко, почти ласково. И от этой ласки захотелось бежать. — Но это нормально. Все врут. Вы, я, ваш муж...

Я вздрогнула.

— При чём здесь мой муж?

— Кольцо, — он снова кивнул, на этот раз — на мою руку. — Обручальное. Золотое. Дорогое, наверное. Но вы его крутите. Постоянно. Знаете, что это значит?

Я посмотрела на свои пальцы. Действительно — крутила кольцо, сама того не замечая.

— Это значит, что вы несчастливы в браке. Что кольцо жмёт. Что вы хотите его снять, но боитесь.

— Вы не психолог.

— Не надо быть психологом, чтобы видеть очевидное. Надо просто смотреть. А я смотрю. На вас.

Последние слова он произнёс иначе. Тише. Глубже. Так, что у меня что-то оборвалось внутри.

Он смотрит на меня. Боже, он смотрит на меня так, будто хочет...

Нет. Не думай. Не смей думать. Осужденные все хотят. Это обычный мужской голод.

— Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мою личную жизнь, — мой голос звучал хрипло, чужо.

— А для чего?

— Чтобы обсуждать вашу.

— У меня нет личной жизни. Я в клетке. — Пауза. Его глаза сузились. — Как и вы.

Я открыла рот — и закрыла. Слова застряли в горле.

Как и вы.

Он сказал это так просто, так буднично — будто констатировал очевидное. Небо серое. Стены бетонные цвета серой погоды ноября. Вы в клетке. Как и я.

— Это некорректное сравнение.

— Почему? Потому что ваша клетка — с евроремонтом и ипотекой? Потому что на вас нет наручников?

Он поднял руки — цепь звякнула.

— Наручники бывают разные, Марина Андреевна. Не все видны глазу. Но все оставляют следы.

Тишина.

Я смотрела на него — и не могла отвести взгляд. Он был прав. Чёрт возьми, он был прав, и это бесило больше всего.

Моя клетка — Игорь. Его презрение. Его «пустоцвет». Его холодная спина в постели, его любовницы, его ежедневное, методичное унижение.

Я ношу эти наручники десять лет. И да — они не видны глазу. Но следы остались. Глубокие, уродливые, незаживающие.

-- Почему вы заговорили о следах...Это метафора как я понимаю. Вы ведь говорите о себе?

Он отвёл взгляд. Уставился в стену — как вчера. Но я уже понимала: это не безразличие. Это защита. Стена, за которой он прячет что-то такое, от чего сам задыхается.

Что с тобой случилось, Максим Князев? Кто тебя сломал?

— Расскажите мне.

— О чём?

— О следах.

Пауза. Долгая, тягучая.

— Вы странная, Марина Андреевна.

— Почему?

— Потому что не сбежали. Обычно после первого сеанса люди не возвращаются. Им хватает.

— Я не обычные люди.

— Вижу.

Его взгляд снова скользнул по мне — но теперь иначе. Не оценивающе. Почти... нежно? Нет, бред. Мне показалось.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу вам кое-что. Но не сегодня.

— Почему?

— Потому что вы ещё не готовы.

— Я психолог. Я работала с серийными убийцами. С ма-
ньяками. С...

— И всё равно не готовы.

Он подался вперёд — резко, быстро. Цепь натянулась до

предела. Его лицо оказалось близко — так близко, что я чувствовала тепло его дыхания. Видела каждую ресницу, каждый шрам, каждую тень.

— Знаете, что я вижу, когда смотрю на вас? — голос — низкий, хриплый, обволакивающий. Голос, от которого подгибались колени.

Я не могла ответить. Не могла пошевелиться.

— Красивую женщину, которая забыла, что она красивая. Забыла как ласкали ее грудь, как сжимали соски, как трахали ее пальцами и языком...

Пауза. Удар сердца. Божеее, пока он говорил кажется внутри скручивался узел, низ живота потянуло и между ног выделилась влага.

— Перестаньте это мне говорить сейчас же!

Ещё один удар.

— Не то что? Что вы мне сделаете? Сбежите? Может быть мне именно это и нужно, чтобы вы сбежали, как маленькая испуганная сучка.

У меня перехватило дыхание. В глазах зашипало — господи, только не плакать, только не сейчас.

— Вы... — мой голос сорвался, — вы не имеете права...

— Права? — он тихо рассмеялся. — У меня нет прав. Я заключённый. Убийца. Зверь в клетке. И мне плевать на ваши замки.

Он откинулся обратно. Маска вернулась — ледяная, непроницаемая.

— На сегодня хватит. Я устал.

Я моргнула. Посмотрела на часы — двадцать три минуты.

— Но мы только начали...

— И закончили. Позовите конвой.

— Максим...

— Позовите, — повторил он жёстче. — Или мне самому крикнуть?

Я встала. Ноги держали плохо — будто ватные. Подошла к двери. Взялась за ручку.

— Марина Андреевна.

Обернулась.

Он смотрел на меня — и в его глазах снова было это. Тёмное. Опасное. Затягивающее.

— Завтра наденьте то платье. Серое. Которое было на вас вчера.

Кровь бросилась в лицо. Я выскочила в коридор.

Захлопнула дверь.

Прислонилась к стене — и поняла, что задыхаюсь. Сердце грохотало так, что наверняка было слышно на весь корпус.

Руки тряслись.

А между ног — господи, стыдно признаться даже себе — пульсировало что-то горячее, требовательное, забытое. Что ты со мной делаешь, Максим Князев?

Что, чёрт возьми, ты со мной делаешь?

Я курила на парковке, прислонившись к машине. Руки всё ещё дрожали. Сигарета прыгала между пальцами.

Он меня сломал. За двадцать минут — разрушил всё, что я выстраивала годами. Стены, защиты, маски. Посмотрел своими ледяными глазами — и увидел. Всё увидел. Всё, что я прятала.

Вечером Игорь пришёл поздно. Пахло чужими духами — сладкими, приторными. Я уже знала этот запах.

— Ужинать будешь?

— Нет. Поел.

С ней. Поел с ней. Или не только поел.

Раньше это болело. Теперь — пустота.

Но сегодня что-то было иначе.

Я смотрела на Игоря — на его дорогой костюм, на его холодное лицо — и думала о другом мужчине. В тюремной рубашке. С наручниками на запястьях. С усмешкой хищника и глазами, в которых тонешь.

«Вы в клетке. Как и я».

Да.

Но, может быть, впервые за десять лет — я хочу выбраться. Игорь ушёл в кабинет. Я достала вино. Выпила бокал. Потом второй. Потом пошла в спальню.

Открыла шкаф. Серое платье висело на вешалке. Строгое, чуть ниже колена. Ничего особенного.

Я провела пальцами по ткани.

Глава 4

Марина

Я надела платье.

Стояла перед зеркалом в шесть утра и ненавидела себя за это. За то, что послушалась. За то, что всю ночь думала о его словах. За то, что сейчас кручусь перед зеркалом, как девочка перед первым свиданием.

Тебе тридцать пять, Марина. Ты замужем. Он — заключённый. Ему двадцать один год, господи боже. Он годится тебе в младшие братья.

Но платье всё равно надела.

Серая ткань скользила по телу, как прохладная вода. Обнимала талию, подчёркивала бёдра. Ничего вызывающего — и всё равно в нём я чувствовала себя другой. Не женой Игоря. Не психологом. Женщиной.

Той, которую он видит.

Той, которую он хочет видеть.

Дорога до колонии показалась бесконечной. Я вцепилась в руль, пытаюсь унять дрожь в руках. Пальцы были ледяными, а внутри — там, где-то под рёбрами — разгорался пожар. Предвкушение. Страх. Что-то третье, чему я боялась дать название.

Кабинет. Стол. Стул. Зарешечённое окно с видом на серый плац. Я разложила бумаги, включила диктофон. Руки

дрожали так, что пришлось сцепить пальцы в замок.

Без пяти девять.

Шаги в коридоре. Тяжёлые, уверенные.

Моё сердце остановилось — и рвануло с места, как бешеное.

Дверь открылась.

Он вошёл — и я забыла, как дышать.

Каждый раз — как в первый. Каждый раз он бьёт под дых одним своим присутствием.

Он вошёл — и заполнил собой всё пространство. Не физически. Как-то иначе. Будто воздух сгустился вокруг него, будто свет потускнел, оставив только его — в центре, в фокусе, единственное, на что можно смотреть.

Охранники рядом с ним казались мелкими, незначительными. Он двигался иначе, чем они — текуче, хищно, как зверь, который знает каждый мускул своего тела. Тюремная роба — мешковатая, бесформенная — на нём смотрелась почти неприлично. Ткань натягивалась на широких плечах, обрисовывала рельеф груди, когда он дышал.

А он дышал глубоко, медленно. Будто наслаждался воздухом. Будто наслаждался моментом.

Его лицо... Господи, это лицо.

Двадцать один год — но ничего мальчишеского. Скулы — острые, будто вырезанные из камня. Челюсть — тяжёлая, квадратная, с тёмной щетиной, которая делала его старше. Губы — чувственные, чуть припухшие, с изломом в углу, ко-

торый намекал на усмешку даже когда он не улыбался. Нос — прямой, с едва заметной горбинкой, будто когда-то был сломан. Шрам над левой бровью — тонкий, белёсый на загорелой коже.

И глаза.

Светлые. Прозрачные. Цвета зимнего неба над замёрзшей рекой.

Глаза, в которых можно утонуть.

Чёрный омут, затянутый тонким льдом. Ступишь — провалишься. Провалишься — не выберешься.

Он сел на стул. Позволил приковать себя к столу — лениво, снисходительно, будто делал одолжение. Мышцы на предплечьях перекатились под кожей, когда он положил руки на столешницу. Руки — большие, с широкими ладонями и длинными пальцами. Костяшки — сбитые, со следами старых шрамов. Руки, которые убивали.

Руки, о которых я думала всю ночь.

Охранники вышли. Дверь закрылась.

Мы одни.

И только тогда он поднял глаза.

На меня.

Медленно. С ног. Выше. Ещё выше. Колени. Бёдра. Талия. Грудь — он задержался там на секунду дольше, и я почувствовала, как твердеют соски под тканью платья. Шея. Губы. Глаза.

— Умница.

Одно слово.

Он произнёс его низко, глубоко, так что вибрация прошла по моему позвоночнику, как волна. Голос у него был... невозможный. Хриплый, бархатный, с ленивыми интонациями человека, который знает, что его будут слушать. Голос, от которого хотелось закрыть глаза и просто плыть по течению.

Я почувствовала, как жар разливается по телу. Щёки горели. Шея горела. Грудь под платьем горела.

— Доброе утро, — выдавила я.

— Для меня — определённо.

Он откинулся на спинке стула, насколько позволяла цепь. Развёл колени — широко, по-хозяйски. Поза была почти неприличной. Поза мужчины, который точно знает, как он выглядит. И знает, что я смотрю.

Я смотрела.

На его бёдра под серой тканью. На то, как роба натянулась в паху. На плоский живот, который угадывался под мешковатой курткой.

Двадцать один год. Молодой жеребец в самом расцвете. Тело, созданное для того, чтобы его хотели.

Я оторвала взгляд — с усилием, будто отдирала приклеенный.

— Давайте начнём сеанс.

— Давайте, — он улыбнулся. Одними губами, но этого хватило, чтобы у меня подогнулись колени. — Только вы

сначала выдохните. А то упадёте в обморок.

Я поняла, что задерживаю дыхание. Выдохнула. Вдохнула. Попыталась взять себя в руки.

— Расскажите мне о...

— О чём? — он перебил. — О детстве? О травмах? О том, почему я такой плохой мальчик?

«Плохой мальчик».

Он произнёс это иначе. Ниже. Интимнее. Так, будто мы были одни в спальне, а не в кабинете колонии.

У меня пересохло во рту. Я потянулась к бутылке с водой на столе — и увидела, как он следит за моим движением. За тем, как я подношу бутылку к губам. Как глотаю. Как капля воды скатывается по подбородку.

Я вытерла её тыльной стороной ладони.

Он облизнул губы.

Медленно. Демонстративно.

Жар между ног стал почти болезненным.

— Я задаю вопросы, — сказала я, ненавидя себя за то, как дрожит голос. — Вы отвечаете.

— А если я хочу сам задавать вопросы?

— Это не по правилам.

— Мне плевать на правила, Марина Андреевна.

Моё имя в его устах звучало как непристойность. Он растягивал гласные, смаковал согласные, будто пробовал на вкус.

Мариинина Андреевна.

Я сжала бёдра под столом. Незаметно — или так мне казалось.

— Хорошо. Какой вопрос?

— Вы красили губы сегодня?

— Что?

— Губы. — Он смотрел на мой рот. В упор. Не скрываясь.

— Вчера они были бледнее. Сегодня — розовые. Спелые. Так и хочется надкусить.

Надкусить.

Мои губы.

Он хочет надкусить мои губы.

Низ живота свело судорогой. Я почувствовала, как намокает бельё.

— Это не имеет отношения к работе.

— К чёрту работу. — Он подался вперёд. Цепь звякнула, натянулась. Его лицо приблизилось — я видела каждую ресницу, каждую тень, каждый блик в светлых глазах. — Мне интересна только вы. Как вы оделись. Как накрались. Как сидите — сжав колени так туго, будто боитесь, что я увижу, какая вы мокрая.

Земля ушла из-под ног.

Он знал. Он, чёрт возьми, знал. Сволочь, наглый самоуверенный сопляк!

— Я не... — начала я.

— Не врите. — Его голос стал мягче. Опаснее. — Тело не умеет врать, Марина Андреевна. Вот здесь, — он кивнул

на мою шею, — пульс. Бьётся так, будто вы пробежали марафон. Вот здесь, — его взгляд скользнул ниже, к груди, — соски. Твёрдые под тканью. Я вижу. И вот здесь...

Он не закончил. Просто посмотрел мне в глаза — и улыбнулся.

Я хотела провалиться сквозь землю.

— Это переход границ, — прошептала я. - сейчас же прекратите эту идиотскую игру. Это... это не имеет отношения...

— Я вижу, — сказал он мягко. — Всё вижу. Как вы дышите — чаще, чем обычно. Как кусаете губу — вот сейчас, прямо сейчас. Как сжимаете ручку в пальцах — так, будто она может вас спасти.

Я разжала пальцы. Ручка упала на стол.

— Не может, — добавил он. — Ничто не может.

— Вы пытаетесь меня запугать?

— Нет. — Он наклонился вперёд. Цепь натянулась, мышцы на предплечьях напряглись. — Я пытаюсь вам понравиться.

У меня перехватило дыхание.

— Что?

— Понравиться, — повторил он медленно, будто объяснял ребёнку. — Это когда один человек хочет, чтобы другой человек думал о нём. Часто. Всё время. Засыпал с его именем на губах.

Именно так я и засыпала вчера.

Откуда он знает?

— Вы думали обо мне ночью?

— Нет.

— Врёте.

— Не вру. К черту я не думаю ночью о работе!

— Врёте, — он улыбнулся шире. — У вас круги под глазами. Не спали. О чём-то думали. Или о ком-то.

Я молчала. Не могла ни соврать, ни сказать правду.

— Хотите знать, о чём я думал ночью? — спросил он.

Не хочу. Не хочу. Не хочу.

— О чём?

Слово вырвалось само. Против воли. Против разума.

Он улыбнулся — и от этой улыбки у меня подогнулись колени.

— О том, как вы выглядите без этого платья.

Кровь бросилась в лицо. В шею. В грудь. Я горела — вся, целиком, от макушки до пяток.

— Это... вы не имеете права...

— Права? — он тихо рассмеялся. — У меня нет прав. Я заключённый. Но мысли мои — моя собственность. И я могу думать о чём хочу. О ком хочу.

— Это неуместно.

— Знаю. Поэтому и думаю.

Пауза. Он смотрел на меня — спокойно, уверенно, будто всё шло по плану. Его плану.

— Хотите знать подробности?

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Вы снова кусаете губу, — он кивнул на мой рот. — Это значит «да». Тело не умеет врать, Марина Андреевна. В отличие от языка.

Я заставила себя перестать. Выпрямилась. Сжала зубы.

— Мы здесь для психологической работы.

— Мы здесь для того, что происходит между нами.

— Между нами ничего не происходит.

— Происходит. — Он подался ещё ближе. Его лицо — в полуметре от моего. Глаза — холодные, светлые, невозможные. — Вы это чувствуете. Я это чувствую. Охранники за дверью — и те, наверное, чувствуют.

— Что именно?

— Голод.

Слово упало между нами — тяжёлое, горячее.

— Вы голодны, Марина Андреевна. Не знаю, как давно вы ели по-настоящему. Как давно вас... пробовали. Но я вижу этот голод. Он в ваших глазах. В том, как вы облизываете губы. В том, как смотрите на мои руки.

Я смотрела на его руки. Не заметила, когда начала. Большие ладони, длинные пальцы, набитые костяшки.

— Представляете, что они могут сделать? С вами...

Я вскинула взгляд.

— Не... не понимаю, о чём вы.

— Понимаете. — Его голос упал до шёпота. — Вы всё

понимаете. И хотите. Так сильно хотите, что вас трясёт.

Меня правда трясло. Мелкой дрожью, которую невозможно скрыть.

— Давайте сменим тему, — я схватила блокнот, как утешающий хватает соломинку. — Расскажите мне о вашей сестре.

Его лицо изменилось. Мгновенно. Будто захлопнулась дверь.

— Нет.

— Это важно для...

— Нет.

— Максим, мне нужно понять...

— Вам нужно понять, как я выгляжу, когда кончаю?

Я задохнулась.

— Что?

— Вы хотите понять меня? — он наклонил голову, разглядывая моё пылающее лицо. — Тогда спросите о том, что вас действительно интересует. Не о сестре. Не о детстве. О том, о чём вы думаете, когда смотрите на меня.

— Я думаю о работе.

— Вы думаете о том, каково это — быть подо мной.

Мир остановился.

Я смотрела на него — и не могла ни вздохнуть, ни моргнуть, ни пошевелиться.

-- Вы перешли определенно все границы! Хватит!

— Границы — для трусов. — Он откинулся назад, снова

принимая эту развратную позу с разведёнными коленями.
— А вы не трусиха. Иначе бы не вернулись. Не надели это платье. Не накрасили губы в цвет, который хочется слизать.
Слизать.

Слово упало между нами — горячее, мокрое, непристойное.

— Давайте поговорим о вашем деле, — я схватилась за блокнот, как за спасательный круг. — О том, что случилось с Сидорчуком. Мне нужно знать...

Я наивно меняла тему. Что он делает со мной этот пацан? Я имела опыт, я допрашивала и работала с заключёнными! Он заставляет меня полностью терять контроль. Надо отказываться от работы с ним. Надо. Это было бы профессионально правильно. Но тогда я бы проиграла. С меня смеялись бы в департаменте, меня высмеял бы мой муж...Черт. все. Хватит. Я должна прервать его.

— Вам нужно знать, каково это — кончить так, чтобы забыть своё имя?

Я поперхнулась воздухом.

— Что?!

— Вы хотите понять меня? — Он наклонил голову, разглядывая моё пылающее лицо. В его глазах плясали черти. — Тогда спросите о том, что вас действительно интересует. Не о сестре. Не о детстве. О том, какие звуки я издаю, когда мне хорошо.

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

Слова не шли.

Перед глазами стояли картинки — непрошенные, жаркие, стыдные. Он — надо мной. Его тело — тяжёлое, горячее. Давит меня к этому столу в кабинете...Его руки — везде. Его голос — хриплый, срывающийся.

— Вы об этом думаете, — сказал он тихо. — Прямо сейчас. Я вижу.

— Нет.

— Да. — Он улыбнулся — медленно, хищно. — Ваши зрачки расширились. Дыхание участилось. Вы прикусили губу. Это значит, что вы представляете. Представляете меня. Нас.

— Никакого «нас» нет. Я не знаю, что вы себе придумали и в какие игры пытаетесь играть, но я пока что позволяю вам это делать.

— Пока нет...Нас...

Лн проигнорировал все, что я сказала после.

Пока.

Это слово повисло в воздухе — как обещание. Как угроза. Как неизбежность.

— Знаете, о чём я еще думал ночью? — спросил он.

Не отвечай. Не отвечай. Не отвечай.

— Не знаю и знать не хочу!

Голос собственный — хриплый, чужой.

Он улыбнулся шире. Волк, почуявший кровь.

— Ну как же? Это же ваша работа - знать о чем я думаю. А

я думал о том, как вы выглядите, когда испытываете оргазм. Как запрокидываете голову. Как выгибаетесь. Как стонете — громко или тихо? Мне кажется, тихо. Такие, как вы, обычно тихие. Но я бы заставил вас кричать.

Между ног пульсировало так, что было больно.

Я вцепилась в край стола. Костяшки побелели.

— Прекратите.

— Почему? Вам не нравится?

— Нет. Мне совершенно не нравится! Но я позволю вам высказаться.

— Врёте. — Он смотрел на меня — спокойно, уверенно, будто всё шло по плану. — Вам нравится. Вы ненавидите, что нравится. Но всё равно хотите ещё. Хотите, чтобы я продолжал. Чтобы говорил вам вещи, которые ваш муж никогда не говорил.

Он был прав. Игорь никогда... за десять лет ни разу...

— Не говорите о моём муже. Вы его не знаете и что он мне говорит вас не касается!

— Почему? Расскажите, когда он вас в последний раз трахал?

У меня перехватило дыхание.

— Замолчите! Князев!

— Границы — для тех, кто боится.

— Я не боюсь.

— Боитесь. — Он откинулся назад. Расслабился. Будто ничего не произошло. — Но это нормально. Страх — часть

игры.

— Это не игра.

— Всё — игра, Марина Андреевна. Жизнь, смерть, любовь, ненависть. Вопрос только в ставках.

— И какие ставки сейчас?

Он улыбнулся. Медленно. Хищно.

— Вы. Вы — ставка. И я собираюсь выиграть.

Я должна была возмутиться. Встать. Уйти. Вызвать охрану.

Но я сидела. Смотрела на него. Чувствовала, как горит кожа, как пульсирует кровь в висках, как ноет что-то внизу живота — требовательное, постыдное, невыносимое.

Он меня поймал.

Я ещё не понимала как, ещё не видела сетей — но уже барахталась в них. Уже тонула.

— На сегодня достаточно, — сказал он.

Я моргнула.

— Что?

— Достаточно. — Он кивнул на дверь. — Зовите охрану.

— Но мы... мы ничего не обсудили.

— Обсудили. — Его глаза блеснули. — Обсудили самое важное.

Я встала на ватных ногах. Подошла к двери.

— Марина Андреевна.

Обернулась.

Он смотрел на меня — и в его взгляде было обещание.

Тёмное. Опасное. Сладкое.

— Завтра наденьте юбку. Покороче.

Я открыла рот — сказать что-то резкое, поставить его на место.

Но он добавил:

— Хочу видеть ваши колени. Когда вы их сжимаете — это самое красивое, что я видел за три года.

Я вылетела в коридор.

И прислонилась к стене — потому что ноги не держали.

Сердце грохотало. А между ног пульсировало так, что хотелось сунуть туда руку — прямо здесь, в коридоре, в двух шагах от охранников.

Что ты со мной делаешь, Максим Князев? Что ты, чёрт возьми, со мной делаешь? Я же не знаю тебя! Что это за сумасшествие! От которого становится больно.

Домой я приехала в тумане.

Не помнила дорогу. Не помнила, как парковалась. Не помнила, как поднималась на шестой этаж.

В голове крутились его слова. Его голос. Его глаза — светлые, бездонные, затягивающие.

«Такая желанная, что у меня сводит всё тело».

Никто. Никогда. Ни разу в жизни.

Я приняла душ. Горячий, почти кипяток. Стояла под струями воды и пыталась смыть с себя этот день. Его взгляд. Его слова. Своё желание — липкое, постыдное, невозможное.

Не смылось.

Ночью, когда Игорь уже храпел в гостиной, я лежала в темноте и смотрела в потолок.

Думала о нём. О его руках — больших, сильных, со сбитыми костяшками. О его губах — чувственных, с этим дьявольским изломом в углу. О его теле под мешковатой робой — молодом, горячем, голодном.

Рука сама скользнула вниз. Под резинку пижамы. Туда, где всё ещё пульсировало. Я закрыла глаза.

Представила его. Надо мной...как он жадно дико целует мой рот своим ртом, как входит в меня...И через минуту — кусая подушку, чтобы не закричать — кончила так, как не кончала много лет.

С его именем на губах.

Максим.

Утром я открыла шкаф. Юбка висела на вешалке. Чёрная. Узкая. Выше колена. Нет. Я не доставлю ему такого удовольствия и ни в какие игры не стану играть. Все это ужасно...Просто ужасно. Завтра я замурую себя как чертовую египетскую мумию.

Глава 5

Марина

Сегодня я надела штаны.

Чёрные, строгие, застёгнутые на все пуговицы. И водолазку — тёмно-синюю, под самое горло, плотную, как кольчуга. Ни миллиметра открытой кожи. Ни единого шанса.

Вот тебе, Максим Князев.

Вот тебе юбка. Вот тебе колени. Подавись.

Я стянула волосы в тугий узел, так что заболела кожа на висках. Никакой косметики. Никаких украшений. Даже обручальное кольцо сняла — пусть не цепляется. Посмотрела в зеркало.

Монашка. Солдат. Крепость.

Посмотрим, как ты будешь штурмовать эти стены, ублю-док.

Кабинет.

Я сидела за столом, разложив бумаги. Приготовила список вопросов. Чёткий план. Никаких отступлений.

Сегодня я веду игру. Не он. Без пяти девять.

Шаги.

Дверь.

Он вошёл — и я стиснула зубы, чтобы не выдать себя.

Подстригли. Тёмные волосы — короткие, почти военная

стрижка. Лицо стало жёстче, опаснее. Скулы — острые, как бритва. Челюсть — тяжёлая, с густой щетиной. А глаза... светлые, холодные, насмешливые.

Он знал. Уже знал, что я закрылась. И его это веселило. Сел. Позволил приковать себя. Охранники вышли.

И он — рассмеялся.

— Ого, — сказал он. — Марина Андреевна. Траур по кому?

— Доброе утро.

— Сомневаюсь. — Он откинулся на стуле, разглядывая меня. — Что это на вас? Скафандр? Противочумный костюм?

— Рабочая одежда.

— Враньё. — Он ухмыльнулся. — Вчера я сказал «юбка» — и вы натянули на себя всё, что нашли в шкафу. Это даже трогательно.

— Не льстите себе.

— Не лъщу. Констатирую факт. — Он наклонил голову, разглядывая меня. — Вы испугались. Это нормально. Многие пугаются.

— Я не из пугливых.

— Да? — он приподнял бровь. — Тогда почему прячесь?

— Я не прячусь. Я одета по погоде.

— На улице восемнадцать градусов.

— Здесь холодно.

— Здесь жарко. — Он усмехнулся. — И вам жарко. Вот здесь, над бровью, уже блестит. Потеете, Марина Андреевна.

Я стиснула зубы.

— Давайте начнём работу.

— Давайте. — Он развёл руками, насколько позволяла цепь. — Я весь ваш.

— Сегодня я хочу поговорить о вашем деле.

— Не хочу.

— О детском доме.

— Не хочу.

— О вашей сестре.

— Нет.

Голос изменился. Стал жёстче, холоднее.

Я подалась вперёд.

— Мне нужна информация, Максим. Для заключения. Без неё я не смогу...

— Ваши проблемы.

— Это и ваши проблемы. От моего заключения зависит...

— Мне плевать. — Он смотрел на меня в упор. — Плевать на заключение, на комиссию, на ваши бумажки. Я своё отсижу. Или не отсижу. Какая разница?

Тишина.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня. Два упрямых барана, столкнувшихся лбами.

— Хорошо, — сказала я медленно. — Тогда давайте договоримся.

Его глаза сузились.

— О чём?

— Вы даёте мне информацию. Я даю вам... что-то взамен.

Он помолчал. В его взгляде мелькнул интерес.

— Что именно?

— Что вы хотите?

Ошибка. Я поняла это сразу — по тому, как изменилось его лицо. Как дрогнули губы в усмешке.

— Что я хочу? — он повторил медленно, смакуя каждое слово. — Вы уверены, что хотите знать?

— В рамках разумного.

— Разумного. — Он хмыкнул. — Ладно. Тогда так. Вы задаёте вопрос — я отвечаю. Но за каждый ответ — вы делаете то, что я скажу.

— Например?

— Например... — он окинул меня взглядом, — ...снимаете эту водолазку.

— Нет.

— Тогда нет сделки.

— Это шантаж.

— Это переговоры. — Он пожал плечами. — Вы хотите информацию. Я хочу... развлечься. Всё честно.

Я сжала кулаки под столом.

— Я не буду раздеваться.

— А я не просил раздеваться. Я сказал — снять водолазку. Под ней же что-то есть? Майка, топ, бюстгальтер... — он

сделал паузу, — ...или нет?

Кровь бросилась в лицо.

— Это лишние вопросы!

— Это — мои условия. — Он откинулся на стуле. — Не нравится — не играйте. Но тогда и информации не будет.

Тишина.

Я смотрела на него — и понимала, что он меня поймал. Загнал в угол. Либо я принимаю его правила, либо ухожу ни с чем.

— Хорошо, — сказала я сквозь зубы. — Но не водолазка.

— А что тогда?

— Волосы.

Он моргнул.

— Что?

— Волосы. — Я подняла руку к затылку. — За каждый ответ — я распускаю волосы. По одной заколке.

Он молчал. Смотрел на меня — и я видела, как работает его мозг. Как он просчитывает варианты.

— Три заколки, — сказал он наконец. — Три вопроса.

— Пять заколок. Пять вопросов.

— У вас там пять заколок?

— Да.

Он усмехнулся.

— Вы врёте.

— Проверьте.

— Как?

— Ответьте на пять вопросов — и узнаете.

Пауза.

Он смотрел на меня — и в его глазах было что-то новое. Не просто похоть. Азарт. Интерес.

— Ладно, — сказал он. — Играем.

— Первый вопрос, — я открыла блокнот. — Сколько вам было лет, когда вы попали в детский дом?

— Шесть.

Я вытащила первую заколку. Прядь волос упала на плечо. Он следил за каждым моим движением. Не моргая. Не дыша. Его лицо немного заострилось, глаза загорелись.

— Второй вопрос. Что случилось с вашей матерью?

Пауза. Короткая, но я её заметила.

— Лишили прав. Наркоманка. — Он пожал плечом. — Больше её не видел.

Вторая заколка. Ещё одна прядь.

— Третий. Когда вы в последний раз видели сестру?

Его лицо окаменело.

— За месяц до того, как она умерла.

Третья заколка. Волосы начали рассыпаться по плечам.

Он смотрел на меня так, будто я раздевалась догола. Будто каждая прядь — это слой одежды. Будто под волосами — что-то запретное, интимное.

— Четвёртый вопрос. Как она умерла?

Тишина.

Долгая. Тяжёлая.

— Сама, — сказал он наконец. Голос — глухой, мёртвый.
— Повесилась. В детдоме. В подвале. Её нашли через три дня.

Я замерла.

Не ожидала. Не была готова.

— Максим...

— Четвёртая заколка, — сказал он жёстко. — Вы обещали.

Я вытащила заколку. Волосы упали на спину — тяжёлые, густые.

Он смотрел на меня. В его глазах было что-то страшное. Что-то, что он держал взаперти.

— Пятый вопрос, — сказала я тихо.

— Давайте.

— Почему?

Он моргнул.

— Что — почему?

— Почему она это сделала?

Тишина.

Он смотрел на меня — долго, пристально. Потом — медленно — покачал головой.

— Это не входит в условия. Вы спросили «почему» — это не конкретный вопрос. Переформулируйте.

— Хорошо. — Я сглотнула. — Сидорчук. Он связан с её смертью?

Его глаза сузились.

— Да.

Пятая заколка. Последняя.

Волосы рассыпались по плечам, по спине. Я чувствовала их тяжесть, их движение. И чувствовала его взгляд — жадный, голодный, обжигающий.

— Довольны? — спросила я.

— Нет. — Он смотрел на меня так, будто хотел сожрать.

— Теперь я хочу большего.

— Сделка выполнена.

— Сделка — да. Но я хочу новую.

— Какую?

— Встряхните головой.

Я замерла.

— Что?

— Встряхните. Головой. — Он облизнул губы. — Хочу видеть, как они двигаются.

— Это не входило...

— Это — бонус. За то, что я ответил честно.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня.

Это было глупо. Унизительно. Непрофессионально.

Я встряхнула головой.

Волосы взметнулись — и упали обратно, волной, тяжёлой шёлковой волной.

Он выдохнул. Резко, хрипло.

— Блядь, — сказал он тихо. — Вы охуенная.

Я должна была возмутиться. Должна была поставить его

на место.

Но внутри — там, где-то глубоко — что-то расцвело. Что-то тёмное, постыдное, сладкое.

— На сегодня хватит, — сказала я.

— Нет.

— Да. — Я начала собирать волосы обратно. — Сеанс окончен.

— Подождите. — Он подался вперёд. — Не убирайте.

— Что?

— Волосы. Не убирайте. Оставьте так.

— Зачем?

— Хочу запомнить.

Я замерла с заколкой в руке.

— Запомнить что?

— Вас. Такую. — Он смотрел на меня. — Настоящую.

Тишина.

Я должна была собрать волосы. Встать. Уйти. Но я сидела. Смотрела на него. И не могла пошевелиться.

— У вашего мужа, — сказал он вдруг, — есть эта привилегия?

— Какая?

— Видеть вас с распущенными волосами.

Я сглотнула.

— Это не ваше дело.

— Значит, нет. — Он усмехнулся. — Значит, он — идиот.

— Не говорите о моём муже.

— Почему?

— Потому что вы его не знаете.

— Знаю достаточно. — Он откинулся назад. — Знаю, что он позволяет вам приходить сюда. К опасному заключённому. В кабинет без камер. Один на один.

— Здесь есть охрана.

— Охрана за дверью. А здесь — только мы. — Он помолчал. — Если бы вы были моей — я бы убил любого, кто посмел бы остаться с вами наедине.

Внутри что-то дрогнуло. Что-то горячее, опасное.

— Я не ваша.

— Пока нет.

— Никогда.

— Посмотрим.

Он улыбнулся — хищно, уверенно.

Я встала. Быстро собрала волосы. Руки дрожали.

— Марина Андреевна.

— Что?

— Завтра не прячьтесь. Бесполезно. Я всё равно вижу вас насквозь.

Я вышла, не ответив.

И всю дорогу до машины чувствовала его взгляд на своей спине.

Вечером Игорь пришёл в десять. Пахнул чужими духами.

— Ужин?

— Нет.

Прошёл мимо. Даже не посмотрел. Я сидела на кухне и думала.

«Если бы вы были моей — я бы убил любого, кто посмел бы остаться с вами наедине».

Игорь даже не спрашивает, где я провожу дни. С кем. За чем.

Ему плевать.

А ему — нет.

Заключённому, убийце, зверю в клетке — не плевать. Это больно. И это... возбуждает?

Я допила вино. Потом налила ещё.

Села за компьютер. Открыла базу данных.

«Князев Максим Александрович». Это работа, сказала себе. Профессиональный интерес. Мне нужно знать, с кем имею дело. Файлы. Фотографии. Документы.

Искала жадно, быстро. Нашла фото — при поступлении. Восемнадцать лет. Худой, стриженный, с голодными глазами.

Фото через год. Через два. Через три. Он менялся. Матерел. Превращался в того, кого я видела сегодня. Сохранила последнее фото на рабочий стол.

Открыла снова.

И ещё.

И ещё.

Запросила дополнительные материалы. Школьные записи. Характеристики. Любимый предмет — литература. Читал Достоевского в четырнадцать лет.

Рост — сто восемьдесят семь.

IQ — сто сорок четыре.

Гений. Сирота. Убийца.

Провела пальцем по экрану. По его скуле. По губам. По шраму.

Это для работы, повторяла себе.

Три часа ночи.

Четыре.

Пять.

Я всё ещё сидела за компьютером. Смотрела на его лицо.

И думала о его словах.

«Пока нет».

«Посмотрим».

Он сказал это так уверенно. Так спокойно. Будто это — вопрос времени.

Будто я уже его.

Просто ещё не знаю об этом.

Глава 6

Марина

Я не спала всю ночь.

Сидела за компьютером до рассвета, листала его дело, смотрела на его фотографии. Запомнила каждую чётточку. Каждый шрам. Каждую тень на скулах.

К шести утра глаза горели, голова гудела, а внутри — там, где должна быть пустота — пульсировало что-то тёмное и жадное.

Я встала. Приняла душ. Долго стояла перед шкафом. Штаны? Водолазка? Снова броня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.